

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ В ОМСКЕ

Глазами очевидцев

Уникальный материал для изучения биографии писателя дают воспоминания современников. Особую ценность имеют те из них, что посвящены сибирскому периоду его жизни. В это время Достоевский был вырван из круга родных и близких ему людей, друзей и знакомых. Сибиряки впервые увидели Достоевского, причем их встречи с ним происходили в очень непростое для писателя время. Подвергались испытанию как сугубо человеческие качества Достоевского, так и его способность адаптироваться в чуждой социальной среде. Не забудем, что те, кто помогал писателю в Омске, были, в основном, дворянами. Достоевский же, сам в прошлом дворянин, сослан в арестантские роты, лишен всех прав, закован в кандалы и помещен среди озлобленного простонародья, преступившего закон. Ему было нелегко сохранить доброжелательность, сердечность и человеколюбие даже по отношению к тем, кто стремился протянуть руку помощи... Достоевский находился в состоянии физического и психологического стресса, сказавшегося впоследствии и на его здоровье, и в творчестве. Мемуары, обрисовывая событийную канву биографии, позволяют сделать анализ психологического состояния писателя, создавшего впоследствии великие тексты. Мемуары (и личность мемуариста) порой оказываются в состоянии дать исследователю неожиданный ключ для постижения тайн поэтики.

Воспоминания об омских годах Достоевского можно разделить на две группы. Первая — это воспоминания, непосредственно написанные теми, кто встречался с писателем в Омске. Момент авторской записи особенно важно подчеркнуть, потому что уже в первом пересказе трудно сохранить интонацию очевидца, а ведь некоторые воспоминания записаны со слов третьих лиц.

Ко второй группе как раз и относятся такие воспоминания. Впрочем, деление на группы может производиться и по иному принципу: например, по хронологии изложенных в них фактов или по времени публикации, по достоверности воспоминаний как документального источника и так далее.

Много интересных сведений содержат письма, адресованные Достоевскому, а также переписка его друзей. Они, казалось бы, не являются мемуарами, т. к. содержат сведения об очень близком прошлом. Но все-таки о прошлом. Поэтому в нашем разговоре мы не раз будем обращаться к письмам, деля их по избранному принципу — рассказ о собственном отношении или поступке, или пересказ услышанного от других.

В первой группе единственные законченные воспоминания принадлежат перу Шимона Токаржевского, поляка, товарища Достоевского по Омскому острогу¹. Впервые на русском языке они были частично опубликованы в шестом томе сборника «Звенья» за 1936 год. В. Б. Арндт перевел на русский язык две главы из книги Ш. Токаржевского «Воспоминания каторжанина», изданной в 1911 году в Польше. Это не единственное обращение Токаржевского к годам, проведенным в Омске. В 1902 году на польском языке вышла его книга «Семь лет каторги», где также шла речь о Достоевском.

Читатели, знакомые с «Записками из Мертового дома», с любопытством прочтут воспоминания Токаржевского. Их автор идет вслед за Достоевским, описывая некоторые эпизоды жизни омской каторги. Так же, как и автор «Записок из Мертового дома», Токаржевский уделяет большое внимание сценам спектакля в остроге.

Невозможно читать без волнения страницы, рассказывающие об этом. Закованные в кандалы каторжане, надев сценические костюмы, играют свои роли не менее вдохновенно, чем профессиональные артисты. Силой воображения они уносятся за пределы острога на волю. И вот уже зрители — не безликая масса людей, а участники действия, происходящего на импровизированной сцене. Токаржевский называет две пьесы, сыгранные арестантами — те же, что упомянуты в «Записках» — «Филатка и Мирошка» и «Кедрил обжора» (только почему-то имя Филатка у Токаржевского записано как Фирлатка). Конечно, есть расхождения в текстах Токаржевского и Достоевского. Так, Токаржевский иначе рассказывает содержание пьесы «Кедрил-обжора». Обжору-Кедрила у Достоевского забирают черти, у Токаржевского пьеса заканчивает-

---

¹ Токаржевский Шимон (1821—1890) — польский политический каторжанин. В 1847 году был осужден на каторгу в Сибирь и к наказанию палками. После освобождения в 1857 году поселился в Варшаве, однако впоследствии вновь принялся за политическую пропаганду, присоединившись в Русской Польше к действовавшим тогда патриотическим революционным организациям, готовившим восстание. С 1864 года неоднократно подвергался ссылке на поселение, на каторгу. Отбывал наказание в Александровске, Иркутске, Галиче Костромской губернии. Умер в Варшаве. Введен в «Записках из Мертового дома» в главах «Претензия» и «Товарищи» под сокращенной фамилией Т-вский. Достоевский пишет о нем с большой симпатией.

ся тем, что слуга, после того как барина утащили в преисподнюю, принимается за его обед с «различными винами, пикантными и вкусными закусками».

Несопоставимо, конечно, писательское дарование обоих. Кроме того, текст Достоевского напоминает в отдельных местах режиссерскую разработку пьесы, с установкой для актеров и сценическими ремарками. Да это и неудивительно — сам Токаржевский признавал, что «импровизированными артистами, в качестве режиссера, приглашен был писатель Федор Достоевский — для указаний, как по театральному надо говорить и прочее»².

Сопоставляя воспоминания Токаржевского с соответствующими страницами «Записок из Мертвого дома», читатель отметит, что Токаржевский повторяет или близко к тексту интерпретирует рассказанное Достоевским, добавляя, однако, любопытные подробности, которые ранее не были известны. Оказывается, у артистов была афиша. «Экс-канцелярист, каторжанин Баклушин, приготовил афишу, — пишет Токаржевский, — на большом листе бумаги, оклеенном толченой, серебристой каймой, среди мистических и мифологических изображений, значился текст: «Афиша для Высокоблагородных господ офицеров караульных, а также Высокоблагородных господ офицеров инженерных, также для благородных и высокорожденных особ». Далее были выписаны названия комедии и «пантомимы с музыкой», с указанием фамилий выступающих в них узников артистов»³. Токаржевский показывает, что некоторые офицеры приняли участие в подготовке спектакля. «Костюмы для артистов были выпрошены в городе. Жена коменданта крепости, г-жа де Граве, обещала поношенный мундир полковника, с массой золоченых гусарских шнуров и аксельбантами. Адъютант генерала Абросимова обещал свою поношенную шапку»⁴. Это сообщение наводит на мысль, что помощь от названных людей приходила систематически, иначе желание помочь каторжанам не выразилось бы столь явно. Фамилии офицеров, видимо, названы условно — так, генерала с фамилией Абросимов в Омске не было. Скорее всего Токаржевский забыл их настоящие имена — прошло много лет с момента его выхода из Омского острога. Это же временное отдаление от событий позволяет думать, что, меняя фамилии, Токаржевский не думал о конспирации — тех людей уже не было в живых.

Основной мотив главки «Суанго» — дружба Достоевского с собакой. Он известен опять-таки по «Запискам из Мертвого дома».

² Токаржевский Шимон. Ф. М. Достоевский в Омской каторге (воспоминания каторжанина). — В кн.: Звенья, т. 6. — М.—Л., 1936. С. 506.

³ Там же. С. 506—507.

⁴ Там же. С. 506.

В главе «Каторжные животные» говорится о собаке по кличке Шарик, которую Достоевский спас от голодной смерти. Собачка привязалась к Достоевскому. В обоих произведениях судьба этого животного трагична. Но, судя по «Запискам...», собака погибла от руки живодера, а по Токаржевскому — она была отравлена.

— Стойте! — воскликнет внимательный читатель. — Но что нам за дело до собачки и ее судьбы! Важны ли такие мелочи, когда речь идет о крупных проблемах, о новых фактах биографии Достоевского?

Заметим на это, что там, где речь идет о таких личностях, как Достоевский, важны все мелкие детали, вплоть до цвета новой заплатки на одежде соседа писателя по нарам. В истории же, рассказанной Токаржевским, важно то, что собака Суанго издохла от яда... предназначавшегося Достоевскому.

Известно, что у Достоевского в каторге развилась эпилепсия, и он после припадков попадал в омский военный госпиталь. Здесь его опекали врачи, фельдшеры и их жены. (Опекали, хотя рисковали при этом жизнью). И вот один из докторов, Борисов (фамилия доктора с такой фамилией не встречается в документах. Вероятно, Ш. Токаржевский и в данном случае использует условную фамилию), уезжая к больному, передает Достоевскому деньги. Это заметил один из арестантов, Ломов (такой арестант действительно был в остроге при Достоевском. Семья Ломовых выведена в «Записках из Мертвого дома», правда, безотносительно к госпиталю). Через некоторое время фельдшер, находившийся в сговоре с Ломовым, принес Достоевскому молоко. Тот хотел его пить, но собака Суанго, прирученная Достоевским, неожиданно вбежала в палату и, кинувшись к нему, стала выражать свой восторг. Молоко пролилось. Собака на радостях его слизала. Вошедший фельдшер выгнал собаку из палаты. И лишь позднее Достоевский узнал, что она издохла от принятого ею «угощения». Эта история не повторяется в других биографических источниках. Сюжет о покушении на его жизнь отсутствует в текстах Достоевского.

Ярко и красочно рассказывает Токаржевский о некоторых работах арестантов, об их взаимоотношениях друг с другом. В переведенном В. Арендтом отрывке отразились политические дискуссии, которые вели между собой «государственные преступники» из России с участниками польского освободительного движения.

Яростно спорили они друг с другом, толча алебастр. «Разговор между нами и Федором Достоевским всегда... начинался в минорном тоне, с обмена мнений в вопросах для нас и для него более или менее индифферентных, но он скоро переходил в острую полемику и страстный спор по другим вопросам.

Слова из уст быстро вылетали, под аккомпанемент наших энергичных ударов молота, из-под которых разлеталась пыль по воздуху, наполняя барак миллиардами белых, блестящих, как бы живых искорок.

При таком запальчивом, возбуждающем нервы и волнуящем кровь, споре, мы ударяли молотами с таким размахом, что даже инструктор наш, человек весьма добродушный, Андрей Алмазов, восклицал: «Легче, ребята! Легче!» и часто предлагал нам отдых раньше назначенного часа»⁵.

О чем же конкретно спорили Достоевский и каторжане из поляков? По откликам на воспоминания Ш. Токаржевского С. Браиловского и В. Храневича⁶ можно сделать вывод, что предметом ожесточенной полемики был вопрос об отношении дворян с народом. По утверждению Ш. Токаржевского, поддержанному С. Браиловским, Ф. М. Достоевский на каторге был далек от идей революционного преобразования общества, т. к. «позволил увлечь себя на дорогу, с которой старался как можно скорее своротить»⁷. Попав под обаяние личности Токаржевского и во всем следуя ему, Браиловский восклицает: «как мог желать освобождения народа тот, кто признавал только один класс — дворянство — достойным руководителем народа?»⁸ В подтверждение этой мысли Браиловский приводит слова Токаржевского, что Достоевский, якобы, всегда и везде повторял: «дворянство», «дворянин», «я дворянин», «мы дворяне». Заблуждение С. Н. Браиловского — увы, не единственный пример, отразивший силу воздействия некоторых страстно высказанных идей. Противостоять ей может лишь склонность к самостоятельному мышлению, основанному на взвешенном анализе фактов. Этим отличается статья В. Храневича. Работая над ней, автор, по всей видимости, учитывал опыт С. Браиловского. «Токаржевский или не понял, или, — пишет он, — лучше сказать, не хотел понять того, что желал сказать Достоевский, говоря о каторжниках из дворян. Увы, не Достоевский кичился своим дворянством перед арестантами, а наоборот, арестанты постоянно давали ему чувствовать, что он дворянин. Если Токаржевский и его единомышленники отворачивались от арестантов и даже отталкивали их от себя, то Достоевский, напротив, хотел до известной степени сблизиться с этой отверженной стихией, заглянуть ей в душу, проникнуть в ее тайну и уловить движущий нерв этой среды. Но

---

⁵ Там же. С. 498—499.

⁶ Браиловский С. Н. Ф. М. Достоевский в омской каторге и поляки. — «Исторический вестник», 1908, № 4; Храневич В. Ф. М. Достоевский по воспоминаниям ссыльного поляка. — «Русская старина», 1910, № 2—3.

⁷ Браиловский, указ. соч. С. 192.

⁸ Там же, с. 191.

арестанты всегда с нескрываемым злорадством давали ему понять, что он для них чужой, что между ними и им нет и не может быть ничего общего, и это единственно потому, что он — дворянин»⁹.

Точность этой оценки подтверждается письмом Ф. М. Достоевского брату Михаилу. Оно было написано сразу после выхода Федора Михайловича из острога, но В. Храневич знать о нем ничего не мог, и, следовательно, не имел возможности использовать в своей статье такой бесспорный источник, как письмо самого Достоевского. Он писал брату, словно прикасаясь к еще кровоточащей ране: «с каторжным народом я познакомился еще в Тобольске и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года. Это народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и потому нас, дворян, встретили они враждебно и с злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали <...> Нам пришлось выдерживать все мщенье и преследование, которыми они живут и дышат к дворянскому сословию. Жить нам было очень худо» (28, 1; 169—170).

К сожалению, не имея полного перевода польского текста воспоминаний Токаржевского, невозможно получить исчерпывающее представление о позиции автора. Приходится опираться на отклики тех людей, кто читал оригинальный текст воспоминаний, а также на два небольших отрывка, переведенных В. Б. Арндтом. Указывая на вторичность мемуаров Токаржевского по отношению к «Запискам из Мертвого дома», нельзя не обратить внимание на то новое, что они содержат. И хотя проверить рассказ Токаржевского чрезвычайно сложно, необходимо отметить, что он соответствует описанию условий жизни Ф. М. Достоевского-каторжанина, известному из иных источников. Так, например, толчение алебаstra, о котором говорит Токаржевский, не было единственной работой, которую выполнял в Омске Достоевский. Он переносил кирпичи на кирпичном заводе, крутил тяжелое точильное колесо в инженерных мастерских, осваивал строительные специальности... Как и любой подневольный труд, каторжный «урок» не приносил и не мог принести радости, но сам Достоевский отмечал, что, например, расчищать снег ему нравилось. Работа на свежем воздухе, к тому же не предполагавшая присутствие «ватаги», порой приносила сюрпризы. О том, как однажды Достоевский расчищал снег, Е. И. Якушкин рассказывал впоследствии сыну: «В то время, когда Достоевский был в крепостных арестантских ротах в Омске, я на короткое время попал в этот город. Достоевского я никогда до этого времени не видел. Зная, что жизнь Достоевского

---

⁹ Храневич, указ. соч. С. 607.

в арестантских ротах очень тяжела (по общему отзыву, там было хуже, чем в каторжной работе) и что сношения со знакомыми и родственниками были крайне затруднены, я просил знакомого моего, у которого остановился, устроить мне свидание с Достоевским. Его на другой же день привел конвойный очистить снег на дворе казенного дома, в котором я жил. Снега, конечно, он не чистил, а все утро провел со мной. Помню, на меня страшно грустное впечатление произвел вид вошедшего в комнату Достоевского в арестантском платье, в оковах, с исхудалым лицом, носившем следы сильной болезни. Есть известные положения, в которых люди сходятся тотчас же. Через несколько минут мы говорили, как старые знакомые <...> При прощании со мной он говорил, что он ожил»¹⁰.

В литературе упоминается здание военно-окружного суда, которое, по существующей легенде, штукатурил Достоевский¹¹. В качестве реплики замечу, что, слова Богу, писатель был избавлен от более тяжких и унижительных работ. Токаржевский вспоминал, что Александр Мирецкий — польский политический каторжанин — был направлен на чистку отхожих мест. «Очищение клоак происходит обычно ночью — от десяти часов вечера далеко за полночь. Не раз несчастный Олех на веревках спускался на дно тех мерзких мест. В этой работе он утратил обоняние. При Токаржевском Мирецкий исполнял обязанности парашника в течение 4-х месяцев с кратким перерывом»¹².

К мемуарным свидетельствам, оставленным омскими знакомыми Достоевского, относятся также письма писателю Н. С. Крыжановской и Е. И. Капустиной¹³. Оба письма написаны женщинами, с которыми Достоевский познакомился в Омске, при обстоятельствах, не самых благоприятных для общения. Но воспоминание о встречах осталось неизгладимым для обеих сторон. Письмо Натальи Степановны Крыжановской исполнено глубочайшей преданностью Достоевскому, сожалением о том, что не удалось встретиться с ним в дни, когда писатель проезжал через Омск, возвращаясь из Сибири. «Нынче с сердечной радостью слышу снова, благороднейший Федор Михайлович, что Вы стоите в ряду знаме-

¹⁰ См.: Любимова-Дороватовская В. Достоевский в Сибири. Новые материалы. — «Огонек», 1946, № 46—47. С. 27—28.

¹¹ Федор Михайлович Достоевский в портретах, иллюстрациях, документах. — М., 1972. С. 155.

¹² Браиловский, указ. соч. С. 194.

¹³ Крыжановская Н. С. — Ф. М. Достоевскому, 4 августа 1861, Омск. — Достоевский и его время. — Л., 1971. С. 252—253; Капустина Е. И. — Ф. М. Достоевскому, 4 января 1862, Томск. (Фрагменты письма опубликованы в кн.: Валиханов Ч. Ч. Собр. соч. в 5-ти томах, т. 5. — Алма-Ата, 1985. С. 215—216. Далее сноски на это издание с указанием фамилии, номера тома и страницы). Автограф хранится в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом), арх. Достоевских, 29.735.

нитых писателей. Слышу одобрительную, полную справедливость, бесспорно приносимую лучшим произведениям господина Достоевского — этого дорогого автора. Как я рада-рада-то, рада сердечно, что Вы на своем месте»¹⁴. Письмо от Н. С. Крыжановской отправлено из Омска 4 августа 1861 года. Неизвестно, как сложилась ее дальнейшая судьба. Но доброе имя этой женщины, несомненно останется рядом с именем Достоевского, как имя человека, о тепле и душевной щедрости которого писатель рассказал в «Записках из Мертвого дома» (под именем Настасьи Ивановны). Слова эти складываются в обширную цитату, но привести ее необходимо, т. к. в ней, как в зеркале, отразились облик Н. С. Крыжановской, ее участие в судьбе Достоевского и его благодарность за это: «Есть в Сибири, и почти всегда не переводится, несколько лиц, которые, кажется, назначением жизни своей поставляют себе — братский уход за «несчастливыми», сострадание и соболезнование о них, точно о родных детях, совершенно бескорыстное, святое. Не могу не припомнить здесь вкратце об одной встрече. В городе, в котором находился наш острог, жила одна дама, Настасья Ивановна, вдова. Разумеется, никто из нас, в бытность в остроге, не мог познакомиться с ней лично. Казалось, назначением жизни своей она избрала помощь ссыльным, но более всех заботилась о нас. Было ли в семействе у ней какое-нибудь подобное же несчастье, или кто-нибудь из особенно дорогих и близких ее сердцу людей пострадал по такому же преступлению, но только она как будто за особое счастье почитала сделать для нас все, что только могла. Многого она, конечно, не могла: она была очень бедна. Но мы, сидя в остроге, чувствовали, что там, за острогом, есть у нас преданнейший друг. Между прочим, она нам часто сообщала известия, в которых мы очень нуждались. Выйдя из острога и направляясь в другой город, я успел побывать у ней и познакомиться с нею лично. Она жила где-то в форштадте у одного из своих близких родственников. Была она не стара и не молода, не хороша и не дурна; даже нельзя было узнать, умна ли она, образованна ли? Замечалось только в ней, на каждом шагу, одна бесконечная доброта, непреодолимое желание угодить, облегчить, сделать для вас непременно что-нибудь приятное. Все это так и виделось в ее добрых взглядах. Я провел вместе с другим из острожных моих товарищей у ней почти целый вечер. Она так и глядела нам в глаза, смеялась, когда мы смеялись, спешила соглашаться со всем, что бы мы не сказали; суежилась угостить нас хоть чем-нибудь, чем только могла. Подан был чай, закуска, какие-то сласти, и если б у ней были тысячи, она бы, кажется, им обрадовалась

---

¹⁴ Достоевский и его время. С. 252.

только потому, что могла бы лучше нам угодить, да облегчить наших товарищей, оставшихся в остроге. Прощаясь, она вынесла нам по сигарочнице на память. Эти сигарочницы она склеила для нас сама из картона (уж Бог знает, как они были склеены), оклеила их цветной бумажкой, точно такую же, в какую переплетаются краткие арифметики для детских школ (а может быть, на оклейку действительно пошла какая-нибудь арифметика). Кругом же обе папиросочки были, для красоты, оклеены тоненьким бордюриком из золотой бумажки, за которую, может быть, нарочно ходила в лавки. «Вот вы курите же папироски, так, может быть, и пригодится вам», — сказала она, как бы извиняясь робко перед нами за свой подарок... Говорят иные (я слышал и читал это), что высочайшая любовь к ближнему есть в то же время и величайший эгоизм. Уж в чем тут-то был эгоизм — никак не пойму» (4; 67—68).

Екатерина Ивановна Капустина известна историкам и биографам Достоевского больше, чем Н. С. Крыжановская. Она — старшая сестра Д. И. Менделеева. Ее имя упоминается в связи с А. Блоком — последние годы своей жизни она провела у Д. И. Менделеева в Боблово. Там часто бывал Александр Блок, участвовал в домашних спектаклях, где исполнял главные роли. Костюмы для участников шила дочь Екатерины Ивановны — Надежда Яковлевна Капустина.

А в омские годы Ф. М. Достоевского Екатерина Ивановна, жена высокопоставленного чиновника Якова Семеновича Капустина, играла значительную роль в светском обществе. В ее доме собирались образованные молодые люди — чиновники, офицеры, в том числе и офицеры Генерального штаба. Здесь были рады и политическим ссыльным, и проезжим путешественникам, и ученым. Хозяева были знакомы с декабристами, например, с Фонвизинными, состояла с ними в переписке. Те, в свою очередь, старались использовать малейшую возможность для оказания помощи заключенным в острог Ф. М. Достоевскому и С. Ф. Дурову. О том, что Капустины не остались сторонними наблюдателями, а приняли участие в «общественно-политической защите» писателя, говорит тот факт, что после выхода из острога Достоевский посетил их дом. 4 января 1862 года Екатерина Ивановна отправила Федору Михайловичу письмо из Томска (в Томск Капустины переехали в 1859 году): «не долго и не много были мы знакомы, но я знала вас по-многому гораздо больше, чем видела, но и эти несколько часов я никогда не забуду. Мне приятно было, что вы навестили нас, а теперь иное милое было мне утешение — ваш подарок книг, ваша подпись — это показало мне вашу память, а я дорожу этим и поэтому не могу не написать Вам, не поблагодарить от души,

искренно»¹⁵. Эта цитата многое может рассказать. В ней за скупыми словами — увлекательные истории, связанные как с деятельностью Я. С. Капустина в Главном управлении Западной Сибири, так и с упомянутыми книгами Достоевского. Рассказ об этом — в другом очерке¹⁶, а здесь отметим: Достоевский попусту не расточал добрых слов и не совершал пустых, не значащих поступков. То, что он побывал в доме Капустиных спустя 5 лет после выхода из каторги, то, что он прислал затем свои книги в подарок, да еще с дарственной надписью — говорит само за себя.

Знакомые и помощники Достоевского оказывались, чаще всего, людьми скромными, не стремившимися к яркому успеху и известности. Не будь это так, свет могли бы увидеть воспоминания о самых неожиданных встречах и событиях, выпавших на долю Достоевского. Но этого — увы — не произошло. А происходило другое. Некоторые из самых преданных друзей, к которым писатель испытывал почти братское чувство, выросли, делали карьеру, старились и с приобретенным в свете весом теряли юношескую пылкость и безрассудность. Так, Константин Иванович Иванов, в омские годы Достоевского — адъютант генерала Бориславского, заведовавшего всеми работами в крепости, оказывал Федору Михайловичу неоценимую помощь — от направления его на легкие работы до тайных приемов в своем доме¹⁷ (где Достоевский после выхода из острога прожил около месяца). О К. И. Иванове Достоевский писал, что он был ему «как брат родной», что он сделал для него «все, что мог». Так вот К. И. Иванов не только не оставил воспоминаний, но, дослужившись до генерала, запрещал своей жене Ольге Ивановне (дочери декабриста Анненкова) писать и публиковать воспоминания о тех годах¹⁸.

---

¹⁵ Цит. по автографу: РО ИРЛИ (Пушкинский Дом), арх. Достоевских, 29.735.

¹⁶ См.: В. Вайнерман. Достоевский и Омск. — Омск, 1991. С. 68—90.

¹⁷ В 1853 году у Ивановых родилась дочь Наталья. На ее крестины приехала из Тобольска чета декабристов Анненковых и Н. Д. Фонвизина, в чью честь девочке дали имя. Достоевский в это время встретился с ними. Об этом он писал П. Е. Анненковой: «помню встречу с Вами, когда Вы приезжали в Омск и когда еще я был в каторге» (28,1; 196). См. также: главу «И сколько они вытерпели!» в кн.: В. Вайнерман. Достоевский и Омск. — Омск, 1991. С. 52—58.

¹⁸ Редакция «Русской старины» так прокомментировала воспоминания П. Е. Анненковой, опубликованные на страницах журнала: «Здесь оканчиваются рассказы Прасковьи Егоровны Анненковой, записанные в 1861 году по нашей просьбе ее дочерью Ольгой Ивановной, ныне вдовой генерал-лейтенанта К. И. Иванова. Рукопись была передана нам покойной П. Е. Анненковой, и если не была столь многие годы нами издана, то только потому, что К. И. Иванов почему-то не желал ее печатать; теперь эти интересные записки напечатаны

Поскольку молчали очевидцы, слово брали те, кто хотел приобрести некий общественный капитал на спекуляции именем Достоевского. В 172 номере «Томского листка» за 1897 год П. Кошаров¹⁹ опубликовал свои «воспоминания» о Достоевском. Он приводит свой разговор с ним, состоявшийся в Семипалатинске, «после обеда». Кошаров рассказывал Достоевскому, что присутствовал на Семеновском плацу во время гражданской казни над петрашевцами, видел «25 виселиц», построенных с этой целью. Потом, когда он, якобы, поведал Достоевскому, что служил в Бухтарминской крепости, тот оживился, сказал, что здесь находился в каторге и даже будто бы просил П. Кошарова зарисовать для него это укрепление «со всех сторон, а также окружающую местность...»

Кончался XIX век. Почти два десятилетия не было в живых Достоевского, прошло почти полвека с тех пор, как он вышел из каторги. Казалось бы, вражье Кошарова мог опровергнуть только исследователь. Но вдруг 20 августа 1897 года омская газета «Степной край» публикует статью «Как иногда пишутся воспоминания»*. Ее автор, И. Ф. Соколов, полностью разоблачает Кошарова как враня и проходимца. Он пишет: «С Ф. М. Достоевским и его союзником (союзником? — В. В.) и товарищем по несчастью С. Ф. Дуровым я познакомился в 1852 году, когда оба они находились еще в Омской крепостной арестантской роте инженерного ведомства, а по освобождении их в марте 1854 года, более сблизился с ними, особенно же с Дуровым, еще около двух лет жившим в Омске, так как по неспособности к военной службе он был причислен к канцелярии пограничного управления сибирских киргизов (ныне Акмолинское областное). Много я беседовал с ними о деле Петрашевского, о ссылке и обо всем пережитом в тюрьме, но ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь из них когда-либо был в Бухтарминской крепости; да этого и не могло быть, прежде всего потому, что в этом совершенно ничтожном полевом укреплении, а не крепости, как называет П. Кошаров, никогда не было ни тюрьмы, ни каторжных работ, к которым были присуждены Достоевский и Дуров, а во-вторых потому, что укрепление это было

нами с согласия и под ближайшей редакцией многоуважаемой Ольги Ивановны Ивановой». — «Русская старина», 1888, май. С. 377.

¹⁹ П. М. Кошаров (1824—1902) — дворовый человек князя Голицына, воспитанник Петербургской Академии Художеств. В 1851 году он был направлен в Томск. Преподавал в мужской гимназии, затем в реальном училище. (См.: Ирина Девятьярова. Из коллекции Худпрома. — Альманах «Иртыш», Омск, 1990, вып. 1. С. 189).

* Более нигде не перепечатывалась.

упразднено в 1842 году, т. е. за восемь лет до ссылки Достоевского». Далее Иван Федорович развеивает все домыслы Кошарова — и о виселицах, и о тачке, к которой, якобы, был прикован Достоевский, и о рисунках, которые писатель будто бы просил сделать незадачливого мемуариста.

Для Соколова важно отстоять истину, а не подчеркнуть факт своего знакомства с писателем. Однако полностью «спрятаться» Соколову не удастся. Сам тон статьи дает читателю почувствовать не только осведомленность ее автора, но и его характер. Так, чтобы не травмировать «нервную, болезненную натуру» Достоевского, он никогда не разговаривал с ним о том, что пережил писатель на Семеновском плацу. И. Ф. Соколов, как он пишет, «много беседовал с Достоевским и Дуровым». Он может судить о том, как писатель повел бы себя в той или иной ситуации. «Зная замкнутый и крайне щепетильный характер Достоевского, я положительно не верю, — пишет И. Ф. Соколов, — чтобы с первой же встречи с совершенно незнакомым ему человеком он мог обратиться к нему с просьбой о такой серьезной услуге, какова поездка в 300 верст от Семипалатинска (вперед и обратно 600 верст) и только для того, чтобы срисовать осыпавшиеся, почти сравненные с землею, валы ничтожного укрепления».

Иван Федорович Соколов — один из первых редакторов омской газеты «Степной край». За два года, что он возглавлял редакцию (1895—1897), на страницах газеты трижды печатались сообщения о пребывании Достоевского в Сибири. Ни до Соколова, ни после него, редакция не напечатала ничего о Достоевском...

Но при каких обстоятельствах отставной генерал-майор мог встречаться с Достоевским, ведь в начале 50-х годов XIX века он был совсем мальчишкой?

После длительного поиска удалось все же установить, что И. Ф. Соколов в сентябре 1852 года вступил в службу унтер-офицером в линейный батальон № 4. Было в те годы будущему редактору «Степного края» всего 16 лет. Можно себе представить, с каким чувством смотрел юноша на закованного в кандалы автора «Бедных людей»! О нем он столько слышал в Тобольской губернской гимназии, где окончил курс наук! Конечно же, когда товарищи по службе рассказали ему, что среди арестантов, которых он сопровождал на работы во время дежурств — Достоевский, Соколов постарался проявить к нему самую живую симпатию и участие.

Иван Федорович Соколов был знаком с другом Достоевского Ч. Ч. Валихановым. Шестого июля 1860 года отец писал Чокану:

«адъютант Соколов и Кривоносов низко кланяются тебе»²⁰. Из разных источников известно, что И. Ф. Соколов руководил геодезическими работами в Степи. Как выяснилось, он был первым омским метеорологом, вел наблюдения за погодой с мая 1875 года. А 25 октября 1877 года «наблюдатель омской метеорологической станции» подполковник Соколов был избран в действительные члены открытого в Омске Западно-Сибирского отдела Русского географического общества²¹.

Напомню, что И. Ф. Соколов выступил со своей статьей в 1897 году. В этом же году «Всемирная иллюстрация» поместила фотографию здания военно-окружного суда с такой аннотацией: «в настоящее время есть в Омске старожилы, которые знавали нашего знаменитого писателя во время его пребывания в Омском остроге; они указывают места и здания, где он работал вместе с другими арестантами»²². Одним из таких «старожилов» был И. Ф. Соколов. Он действительно «знавал» Достоевского и даже сопровождал его на работы. Совпадение года публикаций («Всемирная иллюстрация» и «Степной край») и причастность И. Ф. Соколова к журналистской работе позволяют предположить, что он имеет прямое отношение к появлению в печати фотографии здания, «стены которого штукатурил Ф. М. Достоевский»²³. Это значит, что можно утвердительно говорить еще об одном месте на карте Омска, связанном с именем Ф. М. Достоевского.

Выступление И. Ф. Соколова, состоявшееся спустя почти полвека после выхода Достоевского из каторги, не вызывает сомнений в своей достоверности. Сообщение о том, что И. Ф. Соколов разговаривал с Достоевским и Дуровым, не воспринимается как нечто неожиданное. А. Ф. Палашенков, например, приводит воспоминания о подобном же общении с арестантами другого человека (нигде более не воспроизведенные): «по свидетельству Ильи Даниловича Павшенко, несшего как фельдфебель наблюдение за арестантами (о чем нам сообщила его дочь Лидия Ильинична Попова), Федор Михайлович Достоевский часто на берегу Иртыша вместе с другими арестантами бил камень. Однажды, глядя на свободные широкие воды Иртыша, он, обращаясь к реке, с грустью, вполголоса продекламировал:

---

²⁰ Валиханов, 5. С. 200.

²¹ Государственный архив Омской области (ГАОО), ф. 86, оп. 1, п. 9, св. 1, л. 4.

²² Федор Михайлович Достоевский в портретах... С. 155.

²³ Палашенков А. Ф. По местам Ф. М. Достоевского в Омске. — Омск, 1965. С. 23.

Шуми, Иртыш, струитесь воды,
Несите грусть мою с собой.
А я, лишенный здесь свободы,
Дышу для родины драгой»... *

Был и такой случай, передавал Павшенко: во время отдыха арестантов Достоевский обратился к нему:

— Служивенький, присядь-ка.

— Нет, нам закон не позволяет этого.

— Да, точно, ты прав, закон не позволяет... — согласился с фельдфебелем Ф. М. Достоевский».

Если И. Ф. Соколов и И. Д. Павшенко — новые имена, не упоминавшиеся в популярной литературе, то имя А. И. Сулоцкого достаточно часто встречается в материалах, связанных и с декабристами, и с Ф. М. Достоевским.

Александр Иванович Сулоцкий (1812—1884) — священнослужитель Омского кадетского корпуса, духовник жены декабриста Натальи Дмитриевны Фонвизиной, обратился к Ивану Викентьевичу Ждан-Пушкину — инспектору классов Омского кадетского корпуса и к Ивану Ивановичу Троицкому — главному лекарю Омского военного госпиталя с просьбой помочь Достоевскому и С. Ф. Дурову. Эти говорящие письма нельзя пересказать, их нужно прочесть самому. И хотя они уже не раз цитировались и А. Лейфером, и М. Громыко, позволю привести фрагменты из них снова.

Как известно, Достоевский и Дуров стали узниками Омского острога 23 января 1850 года. Уже 1 февраля А. И. Сулоцкий пишет Фонвизиным: «Письма — Ваше и добрейшей Натальи Дмитриевны — навели на меня такую печаль, что целый вечер, по прочтению их, я не мог ни делать ничего, ни говорить с домашними. Бедственная участь мечтателей, Ваши просьбы, которые, скажу прямо, для меня священны, желание исполнить их, неимение ни малейшей к тому возможности, — вот что меня опечалило.

<...> Добрый Иван Викентьевич, вследствие письма Марьи Дмитриевны (Францевой, дочери тобольского прокурора. — В. В.) тогда уже адресовался к разным лицам и с распросами о возмож-

---

* Это припев к стихотворению И. Виттера «Иртыш»:

Певец молодой, судьбой гонимый,
При бреге быстрых вод сидел.
И, грустью скорбною томимый,
Разлуку с родиною пел...

Стихи И. Виттера созвучны были настроению Достоевского. Композитор А. А. Алябьев положил их на ноты. (Примечание А. Ф. Палашенкова. — В. В.).

ности, о способах облегчить участь гг. Дурова и Достоевского и ото всех, от иных и при мне, слышал одно, т. е. что нет никаких к тому способов, особенно вначале, теперь... Но Вы скажете, что мой сан должен дать вход для меня в самые тюрьмы и остроги? Так мы с Иваном Викентьевичем и ухватились было за это, но нам ответили, что входить к заключенным имеет право священник только местный, определенный к этому, а этим лицом в Омске — отец протопоп... Моих хлопот доколе и только, но Ив. Вик. два раза был уже у коменданта, а этот, по слову Ив. Вик. являлся к князю (генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков. — В. В.) со спросом, как поступить со вновь присланными арестантами, можно ли чем-нибудь отличать их от других, делать им кой-какие снисхождения (разумеется, ни о Вашей просьбе, ни о хлопотах Ив. Вик. тут не было упоминаемо), — и получил ответ: «по закону».

Полная драматизма картина разворачивается перед нами. Как хочется, чтобы попытки мужественных и благородных людей оказать помощь «мечтателям» увенчалась успехом! Через пятнадцать дней Сулоцкий снова пишет в Тобольск: «Сергей Федорович мел уже улицы, получил флюс и теперь в лазарете. Он и г. Достоевский очень благодарны, замечая, что главный лекарь принимает в них участие. Мы через Троицкого, наконец, добились позволения пересылать им по крайней мере книги св. Писания и духовные журналы — и я отправил нынче Псалтырь на русском языке и «Христианское чтение» за 1828 год где статьи о последних днях земной жизни Спасителя, и за 1847-й»²⁴. Благодаря письмам А. И. Сулоцкого можно проследить все основные нити помощи Достоевскому, назвать имена друзей и врагов (упоминается «главный» враг — плац-майор Василий Кривцов). Особенно важно подчеркнуть, что, как видно из этих писем, первыми, кто поднял голос в защиту петрашевцев, были «тобольские» декабристы М. А. и Н. Д. Фонвизины и их ближайшие сподвижники — например, Мария Дмитриевна Францева. В своих воспоминаниях она рассказывает о последних предомских встречах декабристов и петрашевцев в Тобольске и перед самым выходом их на этап. Нельзя без волнения, не сопереживая, читать эти слова. «Узнав о дне их отправления, мы с Натальей Дмитриевной выехали проводить их по дороге, ведущей в Омск, за Иртыш, верст за семь от Тобольска. Мороз стоял страшный. Отправившись в своих санях пораньше, чтобы не пропустить проезжающих узников, мы заранее вышли из экипажа и нарочно с версту ушли вперед по дороге, чтобы не сделать кучера свидетелем нашего с ними прощания: тем бо-

²⁴ РО ГБЛ, ф. 319, Фонвизины, оп. 1, папка 3, д. 67, письмо 4, лл. 1—1 об.

лее, что я должна была еще тайно дать жандарму письмо для передачи в Омске хорошему, своему знакомому, подполковнику Ждан-Пушкину, в котором просила его принять участие в Достоевском и Дурове.

Долго нам пришлось прождать запоздалых путников; не помню, что задержало их отправку, и 30-градусный мороз порядочно начинал нас пробирать в открытом поле. Прислушиваясь беспрестанно к малейшему шороху и звуку, мы ходили взад и вперед, согревая ноги и мучаясь неизвестностью, чему приписать их замедление. Наконец, мы услышали отдаленные звуки колокольчиков. Вскоре из-за опушки леса показалась тройка с жандармом и седоком, за ней другая; мы вышли на дорогу и, когда они поравнялись с нами, махнули жандармам остановиться, о чем уговорились с ними заранее. Из кошевых (сибирский зимний экипаж) выскочили Достоевский и Дуров».

«Мы наскоро с ними простились, боясь, чтобы кто-нибудь из провожающих не застал нас с ними, и успели только им сказать, чтобы они не теряли бодрости духа, что о них и там будут заботиться добрые люди. Я отдала приготовленное письмо к Пушкину жандарму, которое он аккуратно и доставил ему в Омск.

Они снова уселись в свои кошевые, ямщик ударил по лошадям, и тройки помчали их в непроглядную даль горькой их участи. Когда замер последний звук колокольчиков, мы, отыскав наши сани, возвратились чуть не окоченевшие от холода домой»²⁵.

— Если петрашевцев от начала каторжного срока до его окончания опекали и декабристы, и высокопоставленные омские офицеры, то им в остроге жилось не так уж и плохо, — подумает, пожалуй, читатель. — Мудрено не уцелеть, стыдно не сохранить бодрость духа... Однако подобная шальная мысль может придти на ум только от отсутствия информации. Выйдя из острога и подводя итог пережитому, Ф. М. Достоевский писал брату: «впрочем, посуди, велика ли была защита, когда приходилось жить, пить, есть и спать с этими людьми несколько лет и когда даже некогда жаловаться, за бесчисленностью всевозможных оскорблений».

<...> 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие, и если только чем спасались от горя, так это равнодушием, нравственным превосходством, которое они не могли не понимать и уважали и неподклонимостью их воле» (28, 1; 196). Но было бы ошибкой впасть и в другую крайность; полагая, что в омские годы внутренняя жизнь Достоев-

---

²⁵ Францева М. Д. Воспоминания. — «Исторический вестник», 1888, № 6. С. 628—629; см. также: Громыко, указ. соч. С. 5—25.

ского сводилась лишь к противостоянию каторге и попыткам преодолеть ее ненависть. Достоевский не мог не жалеть окружающих его людей, стремился видеть в них хорошее, надеялся на их «воскресение из мертвых».

В. А. Иванов записал рассказ своего отца, госпитального фельдшера Алексея Ивановича Иванова. Он говорил, что, когда в Омский военный госпиталь приносили наказанных арестантов, «фельдшеры выдергивали из них спин обломки сломанных палок. Достоевский приоткрывал дверь своей палаты, и, потрясенный, весь дрожа, просил:

— Детушки, детушки! Спасите его... спасите несчастного!»²⁶

Достоевский на каторге и сам в любое время мог подвергнуться телесному наказанию. Плац-майор Василий Кривцов, бездушный и вздорный человек, с первого дня прибытия писателя в острог возненавидел его и грозил при первом же случае примерно наказывать. О том, как угроза едва не была приведена в исполнение, и как Достоевского спас от расправы комендант крепости А. Ф. де Граве, рассказывает в своей книге П. К. Мартьянов. Но есть мемуары, прямо указывающие на то, что Достоевский, якобы, не избежал участи большинства и был в Омске неоднократно выпорот.

Воспоминания, о которых идет речь, якобы записаны со слов одного из арестантов омского острога А. Рожновского неким А. Южным²⁷. Повествователь обладал определенным литературным даром, т. к. смог создать текст, не поверить которому трудно.

Действие происходит в Старой Руссе, где много чистого воздуха, но мало комфорта для человека, привыкшего к жизни в роскоши. (Городе, в котором, добавим, в последние годы своей жизни подолгу живет Ф. М. Достоевский). Постепенно А. Южный настраивает читателя на определенный лад, заставляя смотреть на все, что происходит, глазами рассказчика. Укрывшись от солнцепека в своей комнате, А. Южный углубляется в чтение газет. «В минуту самого напряженного внимания, — пишет он, — я был

---

²⁶ Вяткин Г. А. Ф. М. Достоевский в омской каторге. — «Сибирские огни», 1925, № 1. С. 179.

²⁷ А. Южный — псевдоним Андриевского Алексея Александровича (1845—1902) педагога, историка Запорожья. (см.: История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях, т. 3, ч. 1. 1857—1894. М., 1979. С. 71). Впервые воспоминания А. Рожновского опубликованы в газете «Кавказ», Тбилиси, № 40, 41 от 13 и 14 февраля 1882 года, затем: «Иллюстрированный мир», 1882, № 9. СС. 135—136; полностью: в кн.: Успенский Н. В. Из прошлого. — М., 1889, под заглавием «Ф. М. Достоевский на каторге». Др. публ. (с сокр.) — в кн. Федор Михайлович Достоевский в воспоминаниях современников и его письмах. Изд. 2-е, испр. и доп., ч. 1. — М. — 1923 под загл.: «Рассказ Рожновского о Достоевском на каторге».

поражен раздирающим душу криком, раздавшимся с улицы»²⁸. Далее следует эффектная сцена — высокий седобородый старик бросается на мужчину в «русской поддевке и высоких сапогах», который «нешадно бил плетью молодую красивую женщину в нарядном костюме новгородской горожанки»²⁹. Происходит небольшая потасовка. В результате старик повержен на землю. Ему нанесен удар, от которого он не может оправиться. Его приносят в комнату (она, совершенно случайно, конечно, оказывается рядом с комнатой А. Южного). Вскоре старик начинает ходить, но окончательно оправиться уже не может. Неожиданно во время прогулки он встречает Ф. М. Достоевского. Тот его не узнал. Болезнь приковывает старика Рожновского к постели. Перед смертью он рассказывает А. Южному историю своего знакомства с Достоевским в Омске, на каторге. В ней есть сведения, неизвестные из других источников. Рожновский говорит, что при нем Достоевского дважды подвергли телесному наказанию. Однажды за то, что он, выступая от лица «ватаги» и не поддержанный ею, один перед строем высказал «претензию» плохим питанием, другой раз за то, что не бросил, по приказу плац-майора, товарища, достававшего топор из проруби, а продолжал его поддерживать. После второго случая Достоевский, якобы, получил кличку «покойник» — в госпитале, куда он попал после порки, на койке рядом с ним умер арестант. Фельдшер записал вместо него Достоевского.

На следующий день после смерти Рожновского А. Южный встретил Достоевского и рассказал ему об умершем. Достоевский, якобы, пришел к покойнику, «встал на колени, долго смотрел на бледное изможденное лицо страдальца и заплакал». Уезжая в Петербург, он будто бы дал согласие А. Южному на публикацию услышанного от Рожновского не теперь, а «после, когда-нибудь».

«Воспоминаниям» Рожновского верить нельзя. Слишком многое вызывает сомнения, несогласие. Я не говорю уж о том, что имени А. К. Рожновского мне не пришлось обнаружить в списках арестантов Омского острога — я мог и пропустить. Но нельзя сбросить со счетов, что Достоевский никогда и никому не говорил о пережитом наказании. Об этом мне уже приходилось писать³⁰. Кроме того, остались до сих пор неизвестными «две объемистые рукописи», заключающие в себе записки А. К. Рожновского. Они были завещаны А. Южному с одним условием: что будут опубли-

---

²⁸ Цит. по: И. Бежанов. Забытая публикация. — «Литературная Грузия», 1983, № 2. С. 180.

²⁹ Там же.

³⁰ См. об этом: Вайнерман В. С. Омское окружение Ф. М. Достоевского. — В сб.: Достоевский. Материалы и исследования, т. 6. — Л., 1985. С. 178, а также: глава «Ошибка Ризенкампа» в кн. М. Громыко, указ. соч. С. 41—51.

кованы на русском языке после того, как появятся на польском. Алексей Южный, по его словам, отправил обе рукописи «сестре покойного Ц. К. Войцеховской, урожд. Рожновской (Варшава, Костельная улица, 6)»³¹. Но никаких следов ни рукописи, ни сестры Рожновского найти не удалось.

И последний аргумент. Сразу же после выхода книги Н. Успенского, где были приведены воспоминания Рожновского, журнал «Русская старина» поместил заметку под названием «Полковник де Граве и Ф. М. Достоевский»³². Ее автор — Николай Тимофеевич Черевин — служил в омские годы Достоевского адъютантом в Сибирском отдельном корпусе. Он утверждает, что, в силу своего служебного положения, не мог не знать, если бы произошло такое бесчинство, как телесное наказание Достоевского. При наличии стольких людей, помогавших писателю в маленьком Омске, это невозможно было бы утаить. Особенно если припомнить, что Достоевский оба раза был будто бы наказан плац-майором за свое геройское поведение, сам факт которого должен был бы вызвать пересуды в омском обществе, не избалованном яркими и запоминающимися событиями...

В истории Рожновского остается некая загадка. Она будет существовать до тех пор, пока не обнаружатся документы, которые смогут подтвердить или отменить все возникающие при чтении записей А. Южного сомнения.

После отъезда писателя из города слухи и легенды, связанные с его пребыванием здесь, распространились еще больше. Трудно отличить в них правду от вымысла. Да и не всегда у рядового читателя есть возможность этим заниматься. Но подчас и ему приходится обращать внимание на противоречия в книгах исследователей и просто ошибки, по-прежнему встречающиеся в них. Не в силах найти ответы на возникающие вопросы, читатель не может найти их и при помощи «третьего судьи» — напомним, что свода воспоминаний о Достоевском в Сибири, где были бы фундаментальные комментарии, отражающие современное состояние науки, до сих пор нет.

Уезжая из Омска, и оглядываясь на проведенные здесь четыре года, Ф. М. Достоевский писал: «вообще время для меня не потеряно. Если я узнал не Россию, так народ русский хорошо, и так хорошо, как, может быть, немногие знают его. Но это мое малень-

---

³¹ Бежанов, указ. соч. С. 188—189.

³² Черевин Н. Т. Полковник де Граве и Ф. М. Достоевский. — «Русская старина», 1889, № 2. С. 318.

кое самолюбие! Надеюсь, простительно» (28, 1; 173). Попросим же прощения и мы, хотя объективно никакой вины за нами нет. Еще не ушло время собирать камни, пока еще есть что хранить. Это не только здания и улицы, но и голоса людей, погребенные в старых запыленных журналах и книгах. Дорого каждое свидетельство, дорог каждый свидетель...